

Единственное, о чём Чёрный Туман немного сожалел — это то, что Цышэн, хоть и боялся того призрачного младенца не меньше остальных учеников, всё же не был настолько труслив, чтобы заплакать. Его способность видеть духов закалилась как надо: сжав посиневшие губы, он с суровым выражением лица уставился туда, где находился Настоятель.

К ледяному прикосновению на мочке уха он уже привык и почти не шевелился. Беленькое, нежное и мягкое личико Цышэна выглядело таким гладким, что Чёрный Туман быстро потерял терпение и интерес к тому мелкому духу, переключившись на то, чтобы время от времени чмокать и щекотать щёчку Цышэна.

Чёрный Туман уже полностью утаил собственную ауру, от которой у призраков кровь стыла в жилах, превратившись для Цышэна в безобидный брелок. Из-за этого, лишённый давления Чёрного Тумана, тот призрачный младенец быстро задрожал, но вскоре осмелел и впился зубами в кусок мяса, зажатый у него в руке.

Ученики, замирая от страха, переглядывались и пытались понять, что за нечисть перед ними:

— Это одержимый Голодный призрак?

— Да нет же, по мне, так не похоже. Скорее всего, это насильственно рождённый Призрачный плод, который из зависти к чужому счастью лишил возможности переродиться настоящего ребёнка.

— И вовсе нет, по-моему, его просто прокляли. Разве нормальный младенец может вырасти таким?

Цышэн не слышал ни одного из их наперебой звучавших голосов. Он лишь смотрел, как Настоятель размашистыми, уверенными движениями быстро выводит талисман и швыряет его прямо на тело ребёнка.

Призрачный младенец, разумеется, был вовсе этому не рад. Растопырив ладошку, которая была на пол-ладони больше, чем у обычного ребёнка, он швырнул струящуюся свежую кровь вперемешку с какой-то липкой, омерзительной рвотой прямо на руку Настоятеля, размазав её от запястья до кончиков пальцев, словно жидкую грязь. Из рта младенца вырвался пронзительный визг, переходящий в жалобное хныканье. У всех присутствующих от этого звука по коже побежали мурашки — каждый отчетливо расслышал, как ребёнок плачет и зовёт маму.

Цышэн увидел, как женщина, сидевшая на стуле, в ужасе схватилась за голову и принялась нервно биться ею о стол, корчась от невыносимой боли.

Настоятель продолжал «очищать» призрачного младенца. Цышэн заметил, как тончайшие нити Чёрного Тумана вытягиваются из синюшных узоров на теле ребёнка. Самым наглядным доказательством успеха было то, что эти узоры бледнели. Увидев это, ученики невольно воодушевились и заулыбались.

Однако Цышэн чувствовал, что всё далеко не так просто. На лбу настоятеля выступили крупные капли холодного пота. Без поддержки храмовых статуй ему, должно быть, стоило огромных трудов удерживать контроль над ситуацией.

Не успел Цышэн мысленно перевести дух за старика, как настоятель снова прокусил кончик пальца и, используя каплю своей квинтэссенции крови, принялся чертить новый Талисман, с силой лепя его на искажённое от боли и ужаса лицо ребёнка.

Цышэн невольно нахмурился. Наблюдать за этой сценой среди бела дня было жутковато, и единственным утешением оставалось лишь то, что они столкнулись с этой тварью не посреди ночи.

Он увидел, как зловещая ухмылка, подобно струйке сизого дыма, сорвалась с тела малыша и унеслась куда-то вдаль.

В тот же миг настоятель прекратил яростно выводить символы и затянул чистую, умиротворяющую буддийскую сутру, помогая младенцу, чьё тело теперь было почти свободно от синюшных узоров, постепенно успокоиться после надрывного плача. Окружающие невольно разразились ликующими возгласами. На сердце у Цышэна тоже стало спокойно, однако, заметив, что та женщина по-прежнему дрожа сидит на прежнем месте и выглядит крайне жалко, он почувствовал легкое шевеление в душе.

Мать воочию увидела, как ее собственный ребенок превратился в монстра, и сама вытащила его из отцовского ада. Неизвестно, сколько мучений ей пришлось перенести, а теперь ей вновь довелось наблюдать, как этот уродливый Призрачный плод очищают, и слышать плач дитя...

Сама по себе женщина уже пережила невероятно тяжелые испытания: едва пройдя через врата ада ради рождения ребенка, она столкнулась с такой страшной бедой.

Цышэн повернулся, заново налил для нее чашку горячей воды со стола позади себя, чуть наклонился и бережно поставил ее на столик сбоку.

Поскольку женщина была глухой, Цышэн боялся, что его интонация окажется слишком странной, поэтому говорил очень тихо, но движения его были исполнены нежности: — Выпейте немного горячей воды.

Женщина подняла голову. В ее взгляде, устремленном на Цышэна, читалась глубокая скорбь и отчаяние. Лишь спустя долгие мгновения она что-то пробормотала и приняла чашку из рук Цышэна, стараясь сделать так, чтобы он не заметил сине-фиолетовых прожилок на ее руках.

Цышэн выпрямился, не желая сыпать соль на чужие раны, и по движению губ догадался, что женщина сказала «спасибо».

Увидев, что она мелкими глотками притрагивается к чаю и, кажется, немного приходит в себя после состояния полного краха, Цышэн с легким сердцем распрямился.

Чёрный Туман с самого начала не совершал никаких резких движений. Он прекратил ласково тереться о щеку Цышэна и вместо этого от скуки принялся теревить его длинные пушистые ресницы.

Заметив, как Цышэн подносит женщине воду, туман вовсе не разгневался, а напротив, счел это весьма забавным. Оно дунуло в глаза Цышэну, точь-в-точь как в первый раз.

Цышэн не понял, что это буйствует Чёрный Туман, он лишь почувствовал, как у него на мгновение рябь пошла перед глазами.

В следующее мгновение скрытое под туго завязанными рукавами то, что было с женщиной, которая всё ещё пила воду, внезапно обнажилось.

Взгляд её был пуст и черноглаз, словно два глубоких колодца, ровный изгиб губ напоминал марионетку, а сине-фиолетовые змеевидные пятна, ползшие вверх по рукам, исчезли, потому что...

На её руках беспричинно не хватало двух больших кусков мяса!

Цышэна на пару секунд едва не затошнило от головокружения — любой, кто увидел бы эту картину, с трудом сдержал бы рвотный порыв: разложившиеся личинки червей, неровные следы зубов...

И если сопоставить это с тем, что держал в руках призрачный младенец...

Он почти отчетливо представил, как в сумрачном, сыром и тесном подвале беспомощная, убитая горем женщина смотрит на проклятого младенца, который хихикает, словно пришедший по вашу душу демон-младший кредитор, а затем бросается вперед и откусывает мясо с её рук...

Эта мать даже сумела вынести ребёнка наружу и при этом не возненавидела всё так сильно, чтобы погибнуть вместе с той семьей.

Цышэн невольно задумался: почему она выбрала прелюбодеяние? Была ли она обманута или здесь кроется какая-то иная тайна?

Он случайно задел табурет, издав целую череду стуков, и все, кто до этого разглядывал призрачного младенца, с любопытством повернули головы в его сторону.

Цышэн слегка побледнел под всеобщими взглядами.

Лёгкая прохлада окутывала всё его тело, а мягкая усмешка передавалась ему вместе с трепещущим «телом» Чёрного Тумана.

<http://bllate.org/book/22196/2313441>